

УДК 002.2:378.016

<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-5-16>

Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки

Д. А. Эльяшевич ✉, В. А. Мутьев

**Эльяшевич
Дмитрий Аркадьевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,
191186, Россия,
доктор исторических

наук, профессор, заведующий
кафедрой медиалогии и литературы

ORCID: [0000-0003-0197-6278](https://orcid.org/0000-0003-0197-6278)e-mail: dmitry@elyashevich.ru

**Мутьев
Виктор Алексеевич,**

Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры,
Дворцовая наб., 2,
Санкт-Петербург,
191186, Россия,
кандидат

педагогических наук, доцент кафедры
медиалогии и литературы,
начальник отдела научных
и творческих программ

ORCID: [0000-0001-5072-4515](https://orcid.org/0000-0001-5072-4515)e-mail: victor.mutyev@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты исследования магистерских программ по направлению подготовки «библиотечно-информационная деятельность», выявлены их недостатки с точки зрения формирования книговедческих компетенций. Выдвинута новая формулировка объекта общего книговедения, отражающая его современную сущность «автор – письмо – текст – чтение – читатель», сообразно которому предложена структура магистерского учебника. Анализируются проблемы историографии, научного метода и методологии книговедческих исследований. Медиалогический подход в широком контексте гуманитарного дискурса рассматривается в качестве основного при подготовке учебника.

Ключевые слова: книговедение, теория, методология, медиалогия, высшее образование, учебники

Для цитирования: Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки // Библиосфера. 2022. № 3. С. 5–16. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-5-16>.

Master's Textbook on Book Studies: Basic Problems and Prospects of Training

Dmitry A. Elyashevich ✉, Victor A. Mutyev

Elyashevich Dmitry Arkadievich,
Saint-Petersburg State Institute of
Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2, Saint-
Petersburg, 191186, Russia,
Doctor of Historical Sciences, Head
of the Medialogy and Literature
Department

ORCID: [0000-0003-0197-6278](https://orcid.org/0000-0003-0197-6278)
e-mail: dmitry@elyashevich.ru

Mutyev Victor Alekseevich,
Saint-Petersburg State Institute of
Culture,
Dvortsovaja naberezhnaja, 2, Saint-
Petersburg, 191186, Russia,
Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor of the Medialogy
and Literature Department,
Head of the Scientific and Creative
Programs Department

ORCID: [0000-0001-5072-4515](https://orcid.org/0000-0001-5072-4515)
e-mail: victor.mutyev@gmail.com

Abstract. The results of the study of master's programs in the field of training "library and information activities" are presented, their shortcomings in terms of the formation of book-related bibliological competencies are revealed. A new formulation of the object of book studies has been put forward, reflecting its modern essence "author – writing – text – reading – reader", according to which the structure of the master's textbook is proposed. The problems of historiography, scientific method and methodology of bibliological research are analyzed. The medialogical approach in the broad context of humanitarian discourse as the main one in the preparation of the textbook is considered.

Keywords: book studies, theory, methodology, medialogy, higher education, textbooks

Citation: Elyashevich D. A., Mutyev V. A. Master's Textbook on Book Studies: Basic Problems and Prospects of Training. *Bibliosphere*. 2022. № 3. P. 5–16. <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-5-16>.

Received 19.07.2022

Accepted 19.09.2022

Введение

Уже в далеком теперь 2014 г. А. В. Соколов и Ю. Н. Столяров опубликовали в журнале «Научно-технические библиотеки» совместную статью «Концепция реализации библиотечно-информационной магистратуры в России», в которой, среди прочего, ставился вопрос о необходимости подготовки учебников и учебных пособий (Соколов, Столяров, 2014). Помнится, тогда она вызвала оживленную дискуссию в нашем профессиональном вузовском сообществе. С течением времени – и, к сожалению, довольно быстро – эта дискуссия сошла на нет, и ни одно из предложений, высказанных авторами в статье, так и не было воплощено в жизнь.

Не соглашаясь с некоторыми выводами и пожеланиями А. В. Соколова и Ю. Н. Столярова, вместе с тем не можем не отметить, что в принципиальных оценках они оказались абсолютно правы: не только на момент своего рождения, но еще и сегодня магистерская программа «Библиотечно-информационная деятельность» не устоялась, не обрела некую общую концепцию и общее видение своих целей и задач. Анализ учебных планов вузов культуры наглядно демонстрирует существующий разрыв в номенклатуре дисциплин, предлагаемых магистрантам. Складывается впечатление, что планы эти верстаются, исходя не из сущностно-содержательных соображений, а исключительно

с расчетом на работающих в вузе преподавателей. Таким образом, «лоскутное одеяло», о котором писали А. В. Соколов и Ю. Н. Столяров восемь лет тому назад (Соколов, Столяров, 2014, с. 11), благополучно существует и поныне.

Книговедческие дисциплины в современной магистратуре: анализ программ

Удачный эпитет «лоскутное одеяло» полностью применим и к ситуации в области преподавания науки о книге. На сегодняшний день книговедение, а точнее – различные и очень «разнокалиберные» книговедческие дисциплины – реализуются в российских вузах на уровне как бакалавриата, так и магистратуры в рамках различных направлений подготовки: «Библиотечно-информационная деятельность», «Издательское дело», «История», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» «Филология». К таким дисциплинам относятся: собственно «Книговедение», «Введение в основы книговедения», «Книговедение и библиография», «Книговедение и история книги», «Книжные памятники», «Картина мира древнерусского книжника», «Электронное книгоиздание», «Письменная культура Древней Руси: грамоты, надписи, книги» и многие другие. Преподаваемые курсы существенно отличаются по объему и направленности изучаемого материала, часто являются факультативными

и, безусловно, играют вспомогательную роль в контексте решения основных задач перечисленных направлений подготовки.

В отечественной традиции книговедение в качестве самостоятельного направления изучения и преподавания развивалось в рамках направлений подготовки «Издательское дело» и «Библиотечно-информационная деятельность». Сегодня оно, в основном, так или иначе сопрягается с научной специальностью «Библиотековедение, библиографоведение и книговедение». В связи с этим интерес представляет номенклатура книговедческих дисциплин, реализуемых в магистерских программах подготовки 51.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность». Всего обучение по таким программам осуществляется в 15 вузах страны. Их учебные планы и были нами проанализированы.

Во всех учебных заведениях магистранты в обязательном порядке изучают дисциплину «Организация и методика библиотековедческих, библиографоведческих и книговедческих исследований»; в некоторых случаях она имеет вариативные наименования¹, что, однако, никак не влияет на ее содержание. Как правило, эта дисциплина носит методический характер и ориентирована на решение прикладных инструментальных задач при проведении библиотечных исследований, то есть не может считаться собственно книговедческой.

В 9 из 15 вузов (60 %) реализуется дисциплина «Теория и методология книговедения»². При этом в шести из них она включена в обязательную часть (Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ), Восточно-Сибирский (ВСГИК), Казанский (КазГИК), Кемеровский (КемГИК), Самарский (СГИК), Хабаровский (ХГИК) государственные институты культуры), в двух – в часть, формируемую участниками образовательных отношений (Санкт-Петербургский (СПбГИК) и Московский (МГИК) государственные институты культуры), в одном является факультативной (Челябинский государственный институт культуры (ЧГИК)).

Только в четырех вузах присутствуют читателеведческие дисциплины: «Социально-психологические проблемы чтения» (АГИКИ, факультатив), «Социология чтения» /

¹ АГИКИ – «Организация и методика научного исследования», КГИК – «Методология научного исследования», МГИК – «Организация и методика библиотековедческих, библиографоведческих, книговедческих, социологических и маркетинговых исследований», Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина – «Организация и методика исследований в социально-культурной сфере».

² ВСГИК – «Теория и методология библиографоведения и книговедения», КазГИК – «Теория и методология библиотековедения, библиографоведения и книговедения», МГИК – «Теория и методология библиотечно-информационных наук», СПбГИК – «Теория и методология медиологии и книговедения», ЧГИК – «История и методология книговедения».

«Продвижение чтения: отечественный и зарубежный опыт» (КазГИК, дисциплина по выбору), «Социология чтения» (Краснодарский государственный институт культуры (КГИК), дисциплина по выбору), «Читателеведение» (ЧГИК).

На этом палитра книговедческих курсов в магистерских программах оказывается практически исчерпанной, поскольку в рамках остальных курсов³ интересующая нас проблематика распыляется, становится второстепенной по отношению к задаче формирования прикладных навыков в русле нормативного или технологического подходов. Единственным позитивным исключением является СГИК, в учебном плане которого, наряду с упомянутыми, представлены и такие дисциплины, как «Книжная культура в системе гуманитарного знания», «Антикварная книга как объект информационно-аналитической деятельности», «Современные концепции библиотековедения, библиографоведения и книговедения», а также нетривиальный факультатив «Интернет-ресурсы по истории книги и библиографии». Правда, рабочая программа последнего чрезвычайно лаконична и не позволяет понять, о каких именно ресурсах, кроме общеизвестных наукометрических баз данных и электронных библиотек, идет речь.

Столь скудная представленность книговедческих дисциплин не в последнюю очередь связана с направленностью (профилем) магистерских программ: «Теория и методология библиотечно-информационной деятельности», «Теория и методология управления библиотечно-информационной деятельностью», «Теория и методология библиотечно-педагогической деятельности», «Теория и методология информационно-аналитической деятельности», «Инновационный менеджмент в библиотечно-информационной сфере». Уже одни эти названия свидетельствуют о фокусировке учебного процесса на прикладных проблемах менеджмента, реже – информационной аналитики, но никак не книговедения. Такое положение вещей входит в разительное противоречие с мировой практикой, в которой тематическое, содержательное и компонентное разнообразие самостоятельных книговедческих программ чрезвычайно велико: «Теория книги и цифровых медиа» (Лейденский университет), «История книги и цифровые гуманитарные науки» (Техасский технологический университет), «Книга. История и технологии анализа» (Сент-Эндрюсский университет), «Редкая книга и цифровые гуманитарные науки» (Университет Бургонь-Франш-Конте), «История книги и чтения» (Софийский университет им. св. Климента Охридского) и др. (Мутьев, 2020).

³ «Авторское право и интеллектуальная собственность», «Основы информационной культуры» и др.

Наш анализ показывает, что подготовка магистрантов, которые с полным правом могут считаться потенциальными педагогическими кадрами, будущими аспирантами и исследователями, изначально ориентирована на формирование у них прикладных управленческих, технологических, но не книговедческих компетенций. Налицо стремление нивелировать книговедческую проблематику в учебных планах, что, в свою очередь, предопределяет направленность образовательных программ, непосредственно влияющих на будущий кадровый ресурс. Можно констатировать, что молодые книговеды – это некий случайный, побочный продукт современной российской магистратуры.

Причиной такой неудовлетворительной ситуации является, на наш взгляд, отсутствие кадров и учебно-методического обеспечения. Что касается преподавателей, то, как мы выше показали, им просто неоткуда взяться: их подготовка и воспроизводство не осуществляются. Весьма характерно следующее обстоятельство: наличие в учебных планах магистратуры определенного количества тех или иных дисциплин, связанных с книговедением, совершенно не коррелирует с собственно книговедческой публикационной активностью преподавателей, ведущих эти дисциплины. Иными словами, книговедение для них – не основная научная специальность, а, скорее, навязанная необходимость.

Учебно-методическая (не)обеспеченность книговедческих дисциплин

Не лучше обстоят дела с учебниками и учебными пособиями, предназначенными для магистрантов по направлению подготовки 51.04.06 «Библиотечно-информационная деятельность». Насколько нам известно, вплоть до сегодняшнего дня не было подготовлено **ни одного** такого издания. И дело здесь, конечно, не только и не столько в коммерческой нерентабельности подобных проектов. Магистерское образование и, соответственно, магистерский учебник предполагают среди прочего фундаментальную *теоретическую* подготовку, принципиально иной по сравнению с бакалавриатом уровень обобщения, более концептуальную, проблемную подачу материала. Увы, с фундаментальной теорией, концептуальностью и проблемностью в наших профессиональных палестинах дела сегодня обстоят далеко не лучшим образом... Высказанное оценочное суждение относится в том числе (вероятно, в первую очередь) и к книговедению.

Однако проблема не только в отсутствии соответствующих педагогических кадров и учебников; она, несомненно, более сущностная: на сегодняшний день сформулировать содержание дисциплины, посвященной теоретико-

методологическим основам книговедения таким образом, чтобы формулировка эта была безоговорочно принята всеми специалистами, очень сложно, практически невозможно. Очевидно, что «традиционное» теоретическое книговедение в различных его вариациях мертво, те взгляды и представления, которые возникли за последние 20–30 лет, в основном несостоятельны с общегуманитарной точки зрения, а «новое» медиалогическое книговедение, еще только рождающееся в борьбе с различными «-логиями», пока не получило ни широкого признания, ни большого числа адептов.

Наш собственный опыт преподавания магистрантам теории и методологии книговедения в СПбГИК свидетельствует, что ни один из существующих на русском языке текстов теоретико-книговедческого характера не может быть безоговорочно рекомендован учащимся в качестве основной литературы. И первое, и второе издание учебника А. А. Беловицкой, на наш взгляд, абсолютно архаичны, они целиком принадлежат советской эпохе и не соответствуют ни современным достижениям гуманитаристики, ни актуальному состоянию книжного дела, ни нашим собственным представлениям о сущности книговедения (Беловицкая, 1987, 2007). Менее архаично учебное пособие И. Е. Баренбаума «Основы книговедения», но оно явно «не дотягивает» до магистерского уровня (в свое время это пособие было предназначено для первого курса специалитета) (Баренбаум, 1988). Вполне конвенциональная и современная по материалу работа Е. А. Ростовцева, к сожалению, из-за мизерного тиража совершенно недоступна за пределами издавшего ее Политехнического университета им. Петра Великого (Ростовцев, 2007). Монографии К. Н. Костюка (2015) и В. А. Марковой (2019) в сравнении с пособием И. Е. Баренбаума являют собою другую крайность: они слишком сложны даже для магистрантов, их освоение требует от читателя чрезвычайно обширных и основательных общегуманитарных знаний. Еще в большей мере сказанное относится к переводной монографии Ф. Барбье «Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.)», наглядно демонстрирующей характер и методологию западной постнеклассической историко-книжной науки (Барбье, 2018).

Продолжая упорствовать в своей оценке книговедения как фундаментальной, а не прикладной, узкопрофессиональной «библиотечной» науки (Эльяшевич, 2021; Эльяшевич, Мутьев, 2021), мы вместе с тем полагаем, что его освоение совершенно необходимо для будущих магистров библиотечно-информационного дела. Книговедение может и должно закладывать основы их профессиональной подготовки, поскольку оно в общем виде занимается изучением проблем «текстуали-

зации» индивида и общества, историей и современным состоянием процессов создания, распространения и потребления графической информации в социуме – процессов, отдельные специфические черты которых затем всесторонне рассматриваются библиографоведением, библиотековедением и другими специальными дисциплинами. Таким образом, теоретическое книговедение, исследующее отдельные закономерности развития культуры как информационно-коммуникативной системы – это составная часть того фундамента, на котором строится все последующее профессиональное образование магистрантов. Указанное обстоятельство делает задачу подготовки и выпуска в свет магистерского учебника по теории и методологии книговедения и очевидной, и насущной.

Общая концепция учебника и историография

Задача эта, однако, далеко не проста, она предполагает решение целого ряда теоретических и общеметодологических проблем, причем решены они должны быть не в процессе создания учебника, а непременно до начала работы над ним. Важнейшим вопросом, от ответа на который будет зависеть структура и содержание учебника, является следующий: какое книговедение мы собираемся в нем излагать? В том случае, если речь идет о «традиционном» книговедении, задача будущих авторов упрощается, ибо основные теоретические постулаты этого книговедения хорошо известны и описаны как в научных, так и в учебных изданиях. Однако, как мы ранее уже не единожды отмечали, такое «традиционное» книговедение сегодня выглядит не просто архаично, а, скорее, археологично, ибо оно, во-первых, всегда было нацелено на изучение книги как «вещи в себе», вне связи с проблемами информатизации общества и, во-вторых, оно совершенно не способно осознать и теоретически осмыслить современный этап развития книжного дела. Как известно, И. Е. Баренбаум предлагал отдать изучение электронных текстов, которые он относил к «нетрадиционным носителям информации», на откуп документоведению, а за книговедением оставлял исследование лишь той книги, которая имеет овеществленную материальную форму (Баренбаум, 1999, с. 15).

Если мы отказываемся от «традиционного» книговедения как теоретической основы проектируемого учебника, то тогда выбор придется делать между «документологической» и «новой», то есть медиалогической, концепциями науки о книге. И выбор этот для нас совершенно очевиден. Все сказанное, однако, совершенно не означает, что мы должны «отрясти прах от ног своих» и навсегда забыть о классике и классиках книговедческой мысли предшествующего времени.

Очевидно, что научные достижения классического российского книговедения в лице наиболее выдающихся его представителей – таких как М. Н. Куфаев, В. С. Люблинский, И. Е. Баренбаум, С. П. Омилянчук – имеют непреходящее значение и должны изучаться и использоваться в процессе развития и трансформации книговедческой теории. Да и «документологическое» книговедение тоже представляет определенный интерес – не как теоретическое направление, а как факт истории науки.

Все сказанное подводит нас к очевидному выводу: будущий учебник не может обойтись без основательного историографического обзора, существующего в виде отдельной главы или, скорее, раздела. Само собой разумеется, что такой раздел должен быть посвящен не только истории концепций и идей, сменявших друг друга или сосуществовавших друг с другом в отечественной науке о книге, но и работам крупнейших зарубежных ученых, много сделавших для превращения книговедения в конвенциональную дисциплину общегуманитарного дискурса. В первую очередь, это представители различных поколений школы «Анналов» Л. Февр, А.-Ж. Мартен и Р. Шартье, классики Торонтской школы Г. Иннис и М. Маклюэн, а также Э. Эйзенштайн, Д. Ф. МакКензи, Р. Дарнтон и некоторые другие. Попутно следует подчеркнуть, что представления о существовании каких-либо сугубо национальных школ книговедения, как и любой другой научной дисциплины, не соответствуют действительности. Р. Дарнтон 40 лет тому назад сформулировал тезис об истории книги как международном, сущностно интернациональном направлении исследований и преподавания (Darnton, 1982, p. 81); этот тезис по-прежнему актуален, и его полностью разделяют авторы статьи. В историографическом обзоре имеет также смысл хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать те работы из сферы теории и истории информации, коммуникации и медиа, исторической психологии, социологии и психологии культуры, которые оказывали и продолжают оказывать основополагающее влияние на книговедение.

Объект книговедения и проблема автора

Следующий важнейший вопрос, который целиком определяет содержание и направленность будущего учебника, одновременно делая его, как ныне принято говорить, «авторским», – это вопрос об объекте книговедения как науки. Логика развития медиалогического книговедения и всей актуальной гуманитарной науки в целом подсказывает, что традиционные определения объекта, будь то «книга и книжное

дело» или система «книга – книжное дело – читатель» сегодня уже совершенно не релевантны. По нашему убеждению, формулировка объекта книговедения, в наибольшей степени отражающая современную сущность этой науки, должна быть следующей: коммуникационная система с обратной связью «автор – письмо – текст – чтение – читатель».

В настоящей статье не имеет смысла вдаваться в обсуждение предложенной формулировки, во многом повторяющей известные схемы коммуникационного процесса; ранее мы уже имели случай высказать свои соображения и попытаться обосновать ее правомерность (Эльяшевич, Мутьев, 2021). Применительно к педагогическому процессу эта формулировка обладает, на наш взгляд, и существенным дидактическим потенциалом, поскольку она позволяет тематически выстроить магистерский курс «Теория и методология книговедения» и придать ему логическую завершенность. Соответственно, такую же логическую завершенность может обрести и учебник – в том случае, если основные его разделы будут посвящены последовательному рассмотрению каждого из элементов предложенной системы. Попробуем пунктирно охарактеризовать их содержание.

Проблема автора или, шире, авторской функции вплоть до самого недавнего времени находилась вне сферы интересов книговедения, и это, несомненно, в значительной мере обедняло его содержание и исследовательские возможности⁴. Любое семантически значимое сообщение имеет автора, отправителя – индивидуального или коллективного, реального или подразумеваемого (мифического). Именно он, автор, каким бы он ни был, определяет исходное содержание сообщения и, следовательно, задает начальный вектор его движения к получателю. Ретинальная коммуникация, каковой является книга в самом широком ее понимании, не существует без отправителя (автора).

С книговедческой точки зрения наиболее значимым является изучение исторической динамики авторской фигуры, разработка ее, так сказать, исторической типологии. Хорошо известно, что в разные эпохи и в разных социумах роль автора и содержание этого понятия претерпевали серьезные изменения, зависевшие от множества социокультурных факторов. Общепринятые ныне утверждения о том, что только книгопечатание создало профессионального автора как такового, а появление электронного текста и в особенности гипертекста устранило его, превратив в обезличенную авторскую функцию, несомненно, справедливы, но нуждаются в серь-

езном теоретическом осмыслении. Социальная и культурная «биография автора» – это одновременно и биография книги как таковой, биография практик чтения. Появление фигуры автора на горизонте общественной жизни привело к значительным сдвигам в культурной матрице и психологии общества, и, как справедливо отмечал О. А. Кривцун, способствовало модификации фундаментальной для культуры диспозиции «своего» и «чужого» (Кривцун, 1997).

В конечном итоге, книговедческое изучение проблем авторства способно вывести не только на широкие историко-культурные обобщения, соотносящиеся с фоноцентричностью или графоцентричностью того или иного социума и его информационно-коммуникативными характеристиками и особенностями, но и на проблемы более узкие, прикладные – такие, например, как возникновение и трансформация представлений о праве интеллектуальной собственности. Изложение в учебнике вопросов, связанных с фигурой автора, представляется нам принципиально важным еще и потому, что оно позволяет наглядно продемонстрировать магистранту широкий гуманитарный горизонт книговедения как одной из наук медиалогического цикла.

Социальное значение письма и текста

Рассмотрению вопросов, связанных с письмом как процессом и явлением культуры, должна быть посвящена следующая глава учебника. Письмо – это один из способов (в исторической ретроспективе – важнейший способ) кодирования информации с целью ее фиксации и передачи в пространственно-временном континууме. Возникновение письма, теряющееся в глубине веков, означало старт процесса подлинной медиатизации социума, начало перехода от устного мифа к письменной культуре и способствовало постепенной модификации господствующих архетипов. Письмо – явление социальное, его зарождение в примитивных предметно-пиктографических формах и все последующее развитие напрямую зависело от возрастания информационного потенциала того или иного общества. Эволюция систем письма была детерминирована как количественным увеличением объема информации, обращавшейся в социуме, так и усложнением ее семантики и структуры. Одновременно такая эволюция была «привязана» к развитию интеллекта индивидуума, его способностей к абстрактному мышлению. Каждый новый этап развития письма сопровождался возрастанием уровня его абстрактности, все большей и большей несхожестью планов означаемого и означающего, достигшей своего предела в алфавите – результате своего рода «общественного договора». Однако не только

⁴ Из известных нам русскоязычных книговедческих работ проблема автора рассматривается лишь у В. А. Марковой.

усложнение информационно-коммуникативной организации общества влияло на письмо; в свою очередь, процесс обучения письму и органически связанному с ним чтению всегда был и остается важнейшим инструментом сохранения континуальности культуры.

Вероятно, не нуждается в особых доказательствах и важность знакомства магистрантов с основами семиотических представлений о письме как знаковой системе – представлений, которым сегодня посвящена поистине необозримая литература, как отечественная, так и зарубежная. Вне этих фундаментальных представлений разговор о письме теряет всякий смысл.

Письмо – функция не только автора, но и переписчика, а потом и издательства, типографии. Используя терминологию «традиционного» книговедения, следует сказать, что с письма начинается так называемый издательский этап книжной коммуникации. Практически все технологические процессы, через которые проходит исходная авторская рукопись на этом этапе, так или иначе имеют отношение к письму: редакция в широком ее понимании – это операция исправления письма, своего рода письмо в квадрате, разработка художественно-полиграфического оформления – еще один вид письма, но уже иной знаковой природы, и т. д.

Рассмотрение комплекса проблем, связанных с письмом как процессом и результатом кодирования информации, подводит к следующей теме (и главе учебника) – тексту. Естественно, понятие «текст» неизмеримо широко, поистине необъятно: все, что нас окружает, может рассматриваться в качестве текста, мировая культура – тоже многомерный и многослойный текст (или сумма миллионов и миллиардов текстов). Поэтому понятие «текст» необходимо сузить, иначе его анализ окажется невозможным. В самом общем виде можно допустить знак равенства между «текстом» и «книгой». Однако текст все же не является полным синонимом книги, как явление он шире и универсальнее. Текст – это не только сообщение как таковое, но еще и канал передачи сообщения, причем материальность этого канала обладает собственной семантикой. Это утверждение, восходящее к знаменитому маклюэновскому афоризму «medium is the message», никем до сих пор не опровергнутому, имеет для нас первостепенное значение. С книговедческой точки зрения текст – это одновременно и книга-сообщение как конечный результат интеллектуальной авторской деятельности, материализованный при помощи операций письма-кодирования, и канал передачи этого сообщения (медиа), рассматриваемый в единстве его овеществленных составляющих, при этом такой канал потенциально или реально обладает собственной

информационной функцией или набором функций, и их номенклатура, характер и содержание могут отличаться от первоначально запланированного автором (отправителем) смысла данного сообщения.

Сформулированная – возможно, черновая – дефиниция феномена текста как составной части объекта книговедения открывает несколько перспектив, важных, среди прочего, и для педагогики. Во-первых, она позволяет уйти от имеющего уже более чем вековую историю, но по-прежнему совершенно бесплодного «умножения сущностей» в деле разработки некоего универсального определения понятия «книга». Во-вторых, эта дефиниция дает возможность вести более предметный и логически выстроенный разговор о функциях книги и их подразделении на непреходящие (сущностные) и преходящие (пертинентные) – разговор, которого, совершенно очевидно, не избежать в будущем учебнике. Наконец, в-третьих, предложенное книговедческое понимание текста подводит теоретическую базу под исследования общественно-исторической роли материальности книги (например, под рассуждения о прекращении импорта папируса как одной из причин кризиса Западно-Римской империи, значении формы кодекса для распространения христианства, тиражности Библии как неперемennom условии возникновения Реформации, генетической связи книжной полосы и экрана и мн. др.). Если же вновь использовать категории традиционного книговедения, то «текст» является объектом изучения издательстведения (в терминах школы Г. Н. Швецово-Водки – эдициологии) и библиополистики.

Как известно, сам факт получения реципиентом сообщения еще отнюдь не означает, что это сообщение было им понято и воспринято в качестве семантически значимой информации. Для успешности коммуникации непременно требуется декодирование сообщения, а оно предполагает наличие у отправителя и получателя общего для них кода, а также, согласно Р. Якобсону, погруженность обоих в схожий социокультурный контекст. В том случае, если носителем сообщения является письменный или печатный текст, декодирование – это визуальное восприятие и интерпретация графических знаков⁵. Таким образом, следующая глава учебника должна быть посвящена рассмотрению проблем чтения.

⁵ В случае с электронным текстом можно говорить о двойном декодировании: сперва программном (преобразование последовательности байтов в графическую форму, доступную человеческому восприятию), затем визуальном.

Читатель и чтение как ключевые категории современного книговедения

Исторически сложилось так, что чтение, равно как и читатель, очень редко, лишь в единичных случаях становилось предметом интереса российских книговедов (и это обстоятельство вкупе с еще большим, по сути, тотальным невниманием к автору и авторской деятельности является лучшей иллюстрацией «герметического» характера нашего традиционного книговедения, его не-антропологичности, нацеленности лишь на исследование книги как «вещи в себе» и генетической близости к немецкой «Buchkunde»). За очень редкими исключениями, чтение изучалось исключительно с социологической или психолого-педагогической («руководство чтением») точек зрения, и происходило это не в книговедческом, а в библиотковедческом научном дискурсе.

Основной задачей главы, посвященной чтению (быть может, центральной в учебнике), будет являться демонстрация прямой зависимости практик и приемов восприятия текста как от свойств и особенностей его собственной материальности, так, в еще большей мере, и от читателя. «Во-первых, изначально в тексте не заложен какой-то один вариант его прочтения, – указывают Г. Кавалло и Р. Шартье. – Текст дан без учета возможной разницы между смыслом, который заложили в него его авторы, издатели, критики или традиция, и тем, как им будут пользоваться и как его будут интерпретировать его будущие читатели. Во-вторых, следует признать, что текст существует лишь постольку, поскольку существует читатель, способный придать ему смысл» (*История чтения...*, 2008, с. 9).

Совершенно очевидно, что тексты, зафиксированные на камне, глине, папирусе, пергамене, бумаге, принципиально разные и читаются они по-разному. Способ материализации текста (табличка, свиток, кодекс), напрямую влияет и на его содержание, и на восприятие этого содержания (канал передачи моделирует сообщение). Практики и приемы чтения зависят не только от общей пространственной формы текста, но и от его организации внутри такой формы, в том числе, от наличия или отсутствия деления на страницы (экраны), особенностей строки (длина, знаки препинания, прописные буквы, пробелы между словами) и т. д. Практики чтения могут существенно отличаться в различных этно-конфессиональных группах и читательских сообществах, они напрямую зависят от господствующих в том или ином социуме культурных традиций и норм и одновременно способствуют их возникновению и последующей трансформации.

Важно понимать, что книговедческое изучение чтения как явления и процесса должно

осуществляться не ради изучения как такового, хотя, конечно, умножение знаний об особенностях восприятия текста, как и любое другое гуманитарное знание, ценно само по себе. У такого изучения есть гораздо более важная и значимая задача: исследуя историю развития чтения, мы исследуем историю становления культуры в целом. Так, переход от чтения вслух, собственного Античности и раннему Средневековью, к чтению про себя, обусловленный становлением системы университетского образования в Европе и появлением способов механического тиражирования текстов, напрямую коррелирует с трансформацией европейской общекультурной матрицы и означает цивилизационный скачок от фоноцентричного мира к миру графоцентричному, от мифа к литературе. Еще один яркий пример культурологического значения эволюции читательских практик связан с возникновением книжной формы кодекса. С одной стороны, кодекс кардинально изменил способ представления текста, сделал его «порционным», дискретным, а с другой – он не менее кардинально преобразовал господствовавшую ранее, в эпоху свитка, модель чтения, что повлекло за собой становление новой системы интеллектуальной деятельности и принципиально новых форм работы с информацией.

Вероятно, не будет преувеличением утверждение о том, что знакомство магистрантов с особенностями восприятия письменной и печатной информации приобретает особую значимость именно сегодня, когда мы являемся свидетелями и участниками (молодое поколение – в первую очередь) революционных потрясений в практиках чтения, связанных с лавинообразным развитием электронного гипертекста. Его новая материальность (вернее, ее исчезновение, виртуализация) предопределила изменение читательских стратегий, вызвала к жизни невиданные ранее приемы и методы освоения знаний. В интернет-пространстве ныне происходят очень интересные и культурологически значимые неологические процессы, связанные с вербализацией ключевых идей и понятий гипертекстуальности (ризомы), номинированием виртуальных аналогов явлений объективного мира, семантической трансформацией лексики в новых коммуникативных реалиях. Параллельно возникают синтетические, мультимедийные формы существования текста (например, лонгриды), полностью адаптированные под новейшие аппаратно-программные платформы. Вследствие всех этих обстоятельств, магистранты должны знать и понимать особенности исторической эволюции практик чтения, владеть методологией их изучения. Эти знания впоследствии могут оказать существенную поддержку в их профессиональной деятельности в библиотеке.

Как текст не существует без чтения, так и чтение в практическом плане непредставимо без читателя. Однако на уровне теории чтение и читатель – разные понятия. В предложенной нами дефиниции объекта книговедения, которую мы используем для планирования структуры учебника, читатель замыкает пятичленную систему. И ему в будущем издании тоже должна быть посвящена отдельная глава.

Подобно автору, читатель – это субъект, в отличие от процессов, каковыми выступают письмо и чтение, и текста, являющегося объектом. Субъективная природа читателя, всегда индивидуального, поскольку абстрактного читателя не существует в природе, в значительной мере затрудняет его изучение, прежде всего, теоретическое. Это хорошо иллюстрируют многочисленные работы по теории коммуникации, в которых основное внимание всегда уделяется коду, операциям кодирования и декодирования, передатчику и приемнику, каналу передачи, а реципиент остается как бы в тени, на периферии. Однако именно читатель (реципиент, получатель информации) является венцом, конечной целью книжной коммуникации, при его отсутствии она теряет всякий смысл, собственно, перестает быть коммуникацией, а текст остается «мертвым» и невостребованным. Даже в том случае, когда текст является лишь «консервантом культуры», он все равно предполагает наличие гипотетического читателя в будущем.

Попробуем теперь выделить основные задачи теоретического книговедения, связанные с читателем и нуждающиеся в освещении в планируемом учебнике.

Прежде всего, изучение и осмысление различных практик чтения позволяет говорить об исторической типологии читателя. Разработка такой типологии должна учитывать множество факторов: в разных культурах на разных этапах их развития – разный читатель. И все же для европейского мира можно выделить некие типичные читательские роли или типы, например: античный актер-чтец, монах-интеллектуал эпохи раннего Средневековья, скужающая барыня в поместье где-нибудь в Орловской губернии, только что научившийся читать советский рабочий 20-х гг. XX в. и т. д. Собственно, не только практики чтения формировали эти читательские типы; очень важно, что происходил и обратный процесс: определенный тип читателя создавал свою собственную практику чтения и свои тексты. Изучение таких типов потенциально может многое сказать об интеллектуальной зрелости и, так сказать, степени «текстуализации» того или иного общества.

Читатель обеспечивает наличие обратной связи в системе книжной коммуникации. Проявляется это в том, что, в конечном итоге, именно

запросы и потребности читателя формируют книжный рынок и заставляют его развиваться как в смысле содержания, так и в части оформления рукописной или печатной продукции. Происходит и обратный процесс влияния уже находящихся в обращении текстов на литературные и художественные вкусы и предпочтения читательской аудитории. Таким образом, читатель одновременно является и субъектом, воздействующим на внешнюю книжную среду, и тем объектом, на который направлено ее воздействие. Наконец, нельзя забывать о том, что автор – тоже читатель, и имеющийся у него собственный читательский опыт во многом определяет его текущую и будущую творческую активность. Хорошо характеризует все эти сложные взаимосвязи известная формула Д. Ф. Маккензи: «Новые читатели создают новые тексты, новые значения которых являются результатом их новых форм» (McKenzie, 1999).

О методологии и методах книговедения

Выше мы указывали, что последовательное рассмотрение каждого звена принятого нами системного объекта книговедения (автор – письмо – текст – чтение – читатель) потенциально может определять структуру будущего магистерского учебника, и на предыдущих страницах попытались дать краткий конспект его возможного содержания. Однако для нас очевидно, что только историографией и рассмотрением частей сложносоставного объекта учебник ограничиться не может. В этом случае за его рамками окажутся многие принципиально важные вопросы, одним из которых является вопрос о методологии и методах книговедения.

В части изложения основ методологии науки о книге каких-либо особых проблем и сложностей мы не усматриваем. Фундаментом такой методологии должны являться принципы историзма и научной объективности (заметим, что объективность в любой гуманитарной науке – вещь довольно спорная и подчас эфемерная). В качестве еще одного методологического кита, на котором покоится возводимое нами теоретическое здание, выступают представления о коммуникативной, медийной природе книги и книжного дела и, соответственно, о принадлежности книговедения к медиалогическому циклу наук – со всеми вытекающими отсюда последствиями и дальнейшим уточнением методологической позиции в соответствии с той или иной выбранной концепцией медиа.

В отличие от методологии, проблема методов, используемых наукой о книге, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложна и неоднозначна, вопросов тут гораздо больше, чем разумительных ответов. Научному методу как

таковому посвящена совершенно необозримая философская и науковедческая литература. Нет недостатка и в публикациях, рассматривающих методы традиционного книговедения: достаточно вспомнить, например, статью И. Е. Баренбаума и А. И. Барсука (1974), а также специальную главу в учебнике А. А. Беловицкой (2007, с. 321–345). Однако все они совершенно не облегчают (скорее, усложняют) задачу более или менее лаконичного и доступного изложения теории книговедческого метода в учебном издании.

Трудно не согласиться с тем, что в книговедении широко и повсеместно используются универсальные, или общенаучные, методы познания – сравнительно-исторический, типологический, статистический и др. Что же касается специальных, частно-научных методов, то сам факт их существования вызывает большие сомнения. Практически все методы, обычно причисляемые книговедами-«традиционалистами» к разряду специальных – функциональный, библиографический, типографический, палеографический и др., – при ближайшем рассмотрении оказываются не чем иным, как простым и бесхитростным приспособлением общенаучных методов под конкретные исследовательские задачи. Таким образом, речь идет не о методах, а о частной методике. Впрочем, не лучше обстоят дела и в современных работах медиалогического содержания. Так, например, в наиболее авторитетном отечественном учебнике И. В. Кирия и А. А. Новиковой «История и теория медиа» вопрос о специальных методах медиалогии практически не рассматривается (Кирия, Новикова, 2017), и это позволяет предположить, что таких методов попросту не существует в природе. К аналогичному выводу приходит и М. Цветкова: она утверждает, что сегодня ни в книговедении, ни в медиалогии специальные методы научного познания идентифицировать невозможно (Tsvetkova, 2019). Наша собственная – подчеркнем, принципиальная – позиция заключается в том, что устоявшиеся представления о дифференциации научных дисциплин по принципу наличия у них собственного метода уже не отражают реальность постнеклассического этапа развития науки, для которого характерна полипарадигмальность и адаптивность исследовательских практик. Иными словами, «конкретную науку характеризует точка зрения» (Дебрэ, 2009), с которой исследуется предмет и подлинно наличествующее проблемное поле.

В качестве вывода из всего сказанного о более или менее понятной методологии и совершенно неочевидной проблеме метода можно предположить, что в соответствующей главе учебника основной упор следует делать именно на методологию, не только останавливаясь на ее

универсальных для гуманитаристики основах (в том числе и в части общенаучных методов), но и кратко излагая основные отличительные черты тех направлений изучения медиа, которые наиболее близки к нашему пониманию сущности книговедения (Торонтская школа, теория информационного общества М. Кастельса и др.), а при обсуждении вопроса частно-научного метода связывать его с предметом конкретного книговедческого исследования и соответствующим ему набором методик.

Междисциплинарные связи и цели дисциплины. Историческое книговедение

В соответствии с давней традицией, книговедческий учебник не может обойтись и без разговора о пресловутом составе книговедения и междисциплинарных связях науки о книге. Что касается состава, то под ним обычно понимаются проблемы соотношения книговедения с библиографоведением и библиотековедением (концепции комплексности, комплекса, пересекающихся кругов и т. д.) и номенклатуры частных книговедческих дисциплин, связанных с основными отраслями традиционного книжного дела. Бурные дискуссии по поводу состава книговедения велись на протяжении почти столетия, особенно они активизировались в последней трети XX в. Однако, с нашей точки зрения, дискуссии эти всегда были довольно сомнительными, а сегодня они и вовсе лишены какого-либо смысла. Мы полагаем, что а) книговедение никоим образом не включает в себя библиографоведение и библиотековедение и, отчасти сближаясь с ними в исторической сфере, все же соотносится с этими дисциплинами по принципу общего и частного; б) книговедение – не прикладная дисциплина, оно не изучает проблемы организации современного издательского процесса, полиграфии, книжной торговли, поскольку это проблемы не книговедения, а теории и практики отраслевого менеджмента. Издательское, типографское и книготорговое дело представляют для книговедения интерес, главным образом, в историческом аспекте, текущее же их состояние может рассматриваться в качестве поставщика важных статистических и социологических данных.

Мы рассматриваем книговедение в качестве фундаментальной гуманитарной дисциплины медиалогического цикла, занимающейся – повторим это еще раз – изучением общих проблем истории, современного состояния и, возможно, прогнозирования процессов создания, распространения и потребления графической информации в социуме. Такое понимание книговедения определяет и его основные междисциплинарные связи. Книговедение напрямую соотносится с историей и теорией медиа, историей и теорией

информации и коммуникации, гражданской историей, историей графических искусств. Помимо этого, вполне очевидны связи книговедения с такими относительно новыми дисциплинами, как историческая психология и психология культуры, поскольку авторская деятельность и процессы восприятия текста имеют психическую природу. Конечно, было бы ошибкой полностью отрицать родственные связи книговедения и с прикладными библиотечными дисциплинами; как уже указывалось выше, некоторые из тех информационно-коммуникативных процессов, которые книговедение рассматривает в общем виде, более детально и предметно, на операционном уровне изучаются библиотечным и библиографическим.

Есть еще один вопрос, который следовало хотя бы кратко и конспективно осветить в учебнике. Как правило, магистранты знакомы с книговедением по курсу «История книги», освоенному ими на бакалавриате. Наш собственный преподавательский опыт показывает, что от этого курса в памяти студентов отпечатываются, в лучшем случае, сведения об И. Гутенберге и И. Федорове – и больше ничего. Непосредственная связь между книжным делом и общественным прогрессом в самых разных его формах и проявлениях остается за пределами студенческого познания. И в этом вина не только студентов. Подобная неудовлетворительная ситуация складывается из-за субъективных особенностей преподавания истории книжного дела и концептуальных проблем стандартного бакалаврского учебника, нуждающегося в серьезной переработке. С учетом этих обстоятельств, а также по преимуществу исторического характера книговедения как дисциплины, в магистерском учебнике непременно должна присутствовать глава, посвященная характеристике целей, задач и методов изучения истории книги. В ней в общем виде следовало бы показать, что смысл и назначение такого изучения – не только и не столько в коллекционировании исторических фактов, сколько в определении их влияния на развитие общества и культуры. Условно говоря, знания об устройстве печатного станка, конечно, необходимы и полезны, но гораздо важнее и полезнее представления о влиянии этого станка на эволюцию общественных отношений. Суть такого подхода хорошо отражена в заглавии классической работы Э. Эйзенштейн «Печатный станок как агент изменений».

Методический аппарат учебника (вместо заключения)

И наконец – несколько слов о методическом аппарате планируемого учебника. В учебном плане магистратуры большая часть времени отводится на семинарские занятия. Так как в книговедении многие постулаты еще не устоялись, для семинаров предпочтительна форма коллективных дискуссий по ключевым проблемам теории и методологии. Поэтому каждая глава учебника, помимо стандартных вопросов на повторение и закрепление содержащегося в ней материала, должна сопровождаться перечнем возможных тем для дискуссий и эссе, а также максимально широким списком рекомендуемой литературы, включающим не только собственно книговедческие работы, но и публикации из смежных, близкородственных отраслей гуманитарного знания. Наряду с этим, в новом учебнике важно представить информацию об имеющихся источниках и ресурсах изучения книговедения и истории книги, в том числе – и, вероятно, в первую очередь – электронных образовательных порталах и базах данных, находящихся в открытом доступе. Такое методическое оснащение в своей совокупности позволит реализовать модульный принцип обучения: преподаватель получит возможность самостоятельно выбирать наиболее важные и значимые с его точки зрения вопросы курса и выносить их на обсуждение в ходе семинарских занятий, а магистранты – оперативно обращаться к необходимым учебным материалам.

В заключение мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что задача подготовки современного, опирающегося на широкий гуманитарный контекст, магистерского учебника по книговедению представляется нам чрезвычайно сложной, требующей коллективных усилий и упреждающей исследовательской и рефлексивной активности. Сказанное особенно актуально по отношению к тем аспектам книговедения, которые еще не имеют общепризнанного статуса. Однако задача эта вполне благодарная, поскольку выход в свет подобного учебника, несомненно, будет означать переход отечественной науки о книге на новый институциональный уровень развития.

Список источников / References

- Барбье Ф. Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.). Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 491 с. [Barbier F (2018) Gutenberg's Europe: the book and invention of Western modern (the XIII–XVI centuries). Moscow: Gaidar Inst. Publ. (In Russ.)].
- Баренбаум И. Е. Книговедение и электронная книга // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1999. Сб. 76. С. 5–15 [Barenbaum IE (1999) Book science and electronic book. *Kniga. Issledovanie i materialy* 76: 5–15 (In Russ.)].
- Баренбаум И. Е. Основы книговедения : учеб. пособие по курсу «Книговедение и история книги». Ленинград : Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1988. 91 с. [Barenbaum IE (1988) Fundamentals of book science: workbook for the course “Book science and the history of books”. Leningrad: Krupskaya Leningrad State Inst. of Culture Publ. (In Russ.)].
- Баренбаум И. Е., Барсук А. И. К вопросу о методах библиологических дисциплин // Книга. Исследования и материалы. 1974. Сб. 29. С. 20–45 [Barenbaum IE and Barsuk AI (1974) On the issue of methods of bibliological disciplines. *Kniga. Issledovanie i materialy* 29: 20–45. (In Russ.)].
- Беловицкая А. А. Общее книговедение: учеб. пособие. Москва : Книга, 1987. 256 с. [Belovitskaya AA (1987) General bibliography: a study guide. Moscow: Kniga. (In Russ.)].
- Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение : учебник. Москва : МГУП, 2007. 393 с. [Belovitskaya AA (2007) Book science. General book science: a textbook. Moscow: MGUP. (In Russ.)].
- Дебрэ Р. Введение в медиологию. Москва : Праксис, 2009. 362 с. [Debre R (2009) Introduction to mediology. Moscow: Praxis. (In Russ.)].
- История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост.: Г. Кавалло, Р. Шартье. Москва : Изд-во ФАИР, 2008. 544 с. [Kavallo G and Shart'e R (eds-comps) (2008) History of reading in the Western world from Antiquity to present day. Moscow: FAIR. (In Russ.)].
- Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа : учебник. Москва : Изд. дом Высшей шк. экономики, 2017. 423 с. [Kiriya IV and Novikova AA (2017) History and theory of media: a textbook. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)].
- Костюк К. Н. Книга в новой медийной среде. Москва : Директ-Медиа, 2015. 432 с. [Kostyuk KN (2015) Book in a new media environment. Moscow: Direct-Media. (In Russ.)].
- Кривцун О. А. Историческая психология и история искусств. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 1997. 255 с. [Krivtsun OA (1997) Historical psychology and art history. Moscow: State Inst. of Art Studies Publ. (In Russ.)].
- Маркова В. А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. Санкт-Петербург : Профессия, 2019. 343 с. [Markova VA (2019) Book in the social and communicative space: past, present, future. Saint Petersburg: Professiya. (In Russ.)].
- Мут'ев В. А. Книговедческие образовательные программы и учебные дисциплины в зарубежных вузах // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. С. 37–47 [Mut'ev VA (2020) Book science educational programs and academic disciplines in foreign universities. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* 220: 37–47. (In Russ.)].
- Ростовцев Е. А. История книжного дела : учеб. пособие. Ч. 1. Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 94 с. [Rostovtsev EA (2007) History of book business: a manual. Pt. 1. Saint Petersburg: Politechn. Univ. Publ. (In Russ.)].
- Соколов А. В., Столяров Ю. Н. Концепция реализации библиотечно-информационной магистратуры в России // Научные и технические библиотеки. 2014. № 11. С. 5–28 [Sokolov AV and Stolyarov YuN (2014) The concept of the implementation of the library and information magistracy in Russia. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki* 11: 5–28. (In Russ.)].
- Эльяшевич Д. А. О «ренессансе библиологии», книговедении и не только // Потенциал библиотеки в современном мире: трансформации, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Самара, 25 мая 2021 г. Самара, 2021. С. 117–126 [Elyashevich DA (2021) «Renaissance of bibliology», the book studies and more. *Potentsial biblioteki v sovremennom mire: transformatsii, perspektivy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem. Samara, 25 maya 2021 g.* Samara, pp. 117–126. (In Russ.)].
- Эльяшевич Д. А., Мут'ев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53 [Elyashevich DA and Mut'ev VA (2021) New book science: a look into the future. *Bibliosfera* 1: 43–53. (In Russ.)]. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2021-1-43-53>.
- Darnton R (1982) What is the history of books? *Daedalus* 111(3): 65–83.
- McKenzie DF (1999) *Bibliography and the sociology of texts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Tsvetkova M (2019) Cross-disciplinary higher education between mediology and bibliology: book science as degree programme in universities worldwide. *European Journal of Contemporary Education* 8(4): 889–919. DOI: [10.13187/ejced.2019.4.889](https://doi.org/10.13187/ejced.2019.4.889).